

УДК 316

К проблемам предметной самодостаточности и методологических допущений «науки об обществе»

Исаев Александр Александрович

Доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник лаборатории социологических
и правовых исследований,
Сургутский государственный университет,
628412, Российская Федерация, Сургут, просп. Ленина, 1,
e-mail: secretar@surgu.ru

Аннотация

Профессиональные социальные философы и социологи, по нашим наблюдениям, порой дезавуируют некую «всеядность» своей специальности, утверждая, что «наука об обществе» может быть чем угодно. Поборников сциентизма такое заявление может поставить в тупик, а социальных философов, напротив, обнадежить. Но генетика столь широких допущений «науки об обществе» в части «знания-что» и «знания-как», по сути, заложена ее отцом-основателем О. Контом, с позитивистской непосредственностью заявлявшим в свое время: наука – сама себе философия. Освященная правом давности интрузия позитивизма порой размывает и дисциплинарные/методологические границы социологии, превращая ее, по аналогии с культурологией, в подобие «интегральной науки» (междисциплинарного подхода). Действительно, зачастую мы можем видеть, как теоретическая социология берет на себя функции социального конструктивизма, а практическая/прикладная – апологета существующего порядка вещей, в особенности в сфере электоральных технологий, обслуживающих закрытые и авторитарные общества, где квантитативные выкладки социологов, по нашему мнению, конкурируют разве что с конспирологическим подходом.

Для цитирования в научных исследованиях

Исаев А.А. К проблемам предметной самодостаточности и методологических допущений «науки об обществе» // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 6А. С. 90-97.

Ключевые слова

Метод, предмет, образование, университет, социология как ремесло, социологический конструктивизм, самодостаточность.

Введение

Если социология и отчасти социальная философия могут быть чем угодно, то неизбежно и расширение их ареала: если все равно, «что» говорить, то все равно и «как» – так всеядность «науки об обществе» в части «предмета» снимает и его конфликт с «методом». Здесь социология, по сути, выступает как ремесло, которое, в особенности на ранних стадиях, не могло предсказать качества и даже предназначения/функционала создаваемой вещи, ручаться можно было лишь за ее непохожесть на другие, пусть и подобные предметы. Социология, и прежде всего в ее прикладных амплуа, порой также создается и функционирует как ремесленное «производство». К примеру, в той же социологии образования мы сталкиваемся с «концепциями», которые нельзя ни верифицировать, ни фальсифицировать; более того, авторы, предлагая свои далекие от реальности «теории» вполне реальным политическим агентам, тем самым слагают с себя ответственность и за результаты их возможной реализации: «В контексте интересов национальной безопасности нашей страны, с учетом проблем глобализации и последних изменений международной обстановки можно предложить Министерству образования и науки Российской Федерации идею формирования альтернативной евроазиатской образовательной системы стран СНГ и Балтии, базирующейся на русском языке, что позволит вернуть ему былое величие и могущество, а России – укрепить на международной арене свои позиции связующего звена между Востоком и Западом, а также развивать сотрудничество в области высшего образования со странами Азии и Тихоокеанского региона в формате БРИКС и в формате АТЭС» [Степанов, 2016, 138]. Подобные «предложения», мы полагаем, и есть своего рода «социологические поделки», созданные ремесленным образом, «вручную», не только без учета исторических традиций и социокультурного контекста, но и как бы «наугад». Единственное их «достоинство» – это декларативный характер и своего рода неповторимость. У такого рода концепций (образовательных моделей), торжественно претендующих на репрезентативность, нет последователей и адептов, иными словами, они не только не являются парадигматическими, но и актуальны лишь для авторов. Основанные на «частичной правде», подобные проекты методологически невыполнимы, а в предметно-содержательном отношении отличаются столь широкими допущениями, что стирают грань между действительностью и возможностью, прошлым и будущим. «Альтернативная евроазиатская образовательная система стран СНГ и Балтии, базирующаяся на русском языке» [там же]. Если предположить, что права очевидности над нашим разумом никто не отменял, то остается загадкой, почему при встрече с реальностью социологический конструктивизм не привел социологию, понятую как ремесло, к аннигиляции.

На деле объяснимо и это: социологический конструктивизм как технология спекуляции помимо частичного совпадения с реальностью нуждается лишь в логике и требовании здесь одно – непротиворечивость. Такие концепции герметичны, что обуславливает и самоцитирование как «естественный» для авторов способ их продвижения [Богуславский, Неборский, 46, www]. К тому же необязательность внутренне последовательного метода и неразборчивость в выборе предмета можно «скрыть», оставаясь вне критики. И в то же время самодостаточность самодостаточности – рознь. Ремесленник как ее парламентар создает или что-то утилитарное, или шедевр, но в любом случае он создает вещи, которые способны жить дольше людей. Ресурс существования ремесленных вещей объясняется их незаменимостью, уникальностью, своего рода единственностью: ценится то, что редко встречается, но еще дороже то, что в принципе не имеет аналогов и функционально незаменимо. Уникальное

обладает существованием по определению, однако и у онтологии есть прагматика. Ремесло суть возвышенный образ и, одновременно, «метод» воплощения самодостаточности; вещь, вышедшей из рук ремесленника, может пользоваться любой, но незаменима она только для хозяина. Подобным же образом, казалось бы, обстоит дело и с «наукой об обществе»: социологические поделки, созданные на основе деклараций и самоцитирования, для их авторов также кажутся незаменимыми, но пользоваться ими никто, кроме «хозяина», не может, правда, по другим причинам: в отличие от ремесленных вещей, в них нет утилитарной сути и тем более уникальности, а значит, в них нет существования. Ремесленные вещи и социологические теории самодостаточны, но первые, созданные в согласии с жизнью, живут дольше хозяина; вторые, созданные вне связи с реальностью, умирают вместе с авторами.

Основная часть

В обширной литературе, посвященной проблемам образования и относящейся к не менее обширной и предполагающей изрядные допущения в части методологии и языка описания предметной области, которая, в отличие от традиционной педагогики (теории и истории педагогической мысли), может быть определена как «социология образования», есть весьма статусные «промоутеры» [Богуславский, 2016], которые, в частности, могут позволить себе создание концепций, выработку программ и стратегий «государственного масштаба». Одной из особенностей подобных построений является некая двойственность легитимации их содержания: с одной стороны, это самоцитирование, с другой, – неременная опора на странную моду – создание в качестве приложения к научной статье едва ли не целой сети цитирования, представленной огромными списками, что называется, «использованной литературы» – работ отечественных ученых и, в обязательном порядке, исследований зарубежных авторов, среди которых, как правило, указывается и значительное количество монографий. Складывается впечатление, что предлагаемая стандартная статья не только служит своеобразным концептуальным эквивалентом работ, указанных в списке литературы, но и превосходит их в репрезентативном смысле, поскольку всякую статью ныне отличают всевозможные элементы громоздкого научно-справочного аппарата: биографические справки, аннотации, ключевые слова, references... И это не досужие, как может показаться, наблюдения, поскольку мы имеем дело с неким формальным подходом, который непостижимым образом став в последнее время выражением научной квазиреспектабельности, превратился, по нашему мнению, в самодостаточный формализм и, в некотором роде, самоцель. Именно подобный жанр в отечественной науке, и прежде всего гуманитарной, во многом и легитимирует симуляцию научной деятельности, скрывая «коррозию», возникшую под воздействием коммерциализации университетского образования, все еще остающегося основным кадровым генератором корпуса стражей науки. Хотя известно, что смысл и функция жанра научной статьи отнюдь не сводится к патетической самопрезентации автора, а служит общеизвестной формой, открытой для критики, предъявления результатов научного исследования или итогов работы, которая может быть представлена как научная, будучи при этом, к примеру, философской или искусствоведческой. Но как можно критиковать статью, в «литературном» заднике которой – десятки монографий, на создание которых понадобилась не одна жизнь? В современной России надо быть, наверное, М. Хайдеггером, чтобы, не стесняясь, признать, что ты – медленный читатель [Мартин Хайдеггер..., 2001, 140]. Такое ощущение, что избыточный формализм и декларативный пафос презентации малых научных форм – статей и научных отчетов – ныне

служит делу поддержания некоего иммунитета перед лицом возможной критики, одновременно поддерживая герметизм научных концепций. В итоге, имея практически нулевую академическую мобильность в российской провинции, мы получаем стагнацию научной дискуссии, которую, и отнюдь не случайно, К. Поппер считал единственным собственным методом науки.

Хотя, что называется, можно понять и самих авторов, работающих в рамках той же социологии образования: поскольку они зачастую тяготеют к рассуждениям о «государственных стратегиях», то, с одной стороны, огромные списки литературы, с другой, самоцитирование – это неизбежные приемы. Глобальные предметы требуют столь же масштабного анализа и вряд ли могут быть охвачены в рамках статьи или даже (авторской/коллективной) монографии, тогда как многочисленные ссылки на тематически сходные исследования, эксплуатируя прием старой доброй аналогии, автоматически создают эффект «доказательства»; что же касается самоцитирования, то данный прием имеет одно важное и весьма выгодное для непогрешимости авторов следствие: ссылки на собственное наследие, как правило, позволяют ограничиваться декларациями, не прибегая не только к обоснованию, но и элементарной аргументации.

Неподдельное предощущение краха болонских «ожиданий», возникшее в последние годы у конъюнктурно настроенной части российской (около)научной публики, породило огромное количество догматических «концепций», основанных разве что на политических предпочтениях пишущей публики. Поскольку все мы когда-то учились, то в рамках социологии (университетского) образования каждый автор считает себя как минимум специалистом. Вследствие этого количество публикаций в периодических изданиях увеличивается экспоненциально, и множество статей – это работы последних нескольких лет, что, по-видимому, связано со своеобразной конstellляцией консервативной «идеологии» перед очередным временем «Ч» – 2017-м годом – точкой предполагаемой бифуркации на орбите социально-политического движения страны. Казалось бы, авторы не могут не отдавать себе отчет в том, что по законам языка описания и в силу самоочевидности состояния университетского образования в нашей стране необходимо в качестве обязательного и обязывающего условия интерпретации состояния дел и возможного их понимания учитывать и общую актуальную социально-экономическую ситуацию, то есть фактический/ситуативный и всегда смыслообразующий контекст [Спиридонова, 2017; Сенашенко, 2017; Артемова, 2016], а не ограничиваться догматическим предъявлением «концепций» и «идей», как правило или фантазийных или выполнимых лишь в отдаленном будущем, где даже модный ныне форсайт [Сизов, 2015] чувствует себя уже неуверенно. Но часть авторов воспринимают ситуацию политической конъюнктуры лишь как долгожданную возможность высказаться весьма критическим образом в отношении обязательств России в Болонском процессе и ее намерений недавней поры интегрироваться в социально-экономическое пространство единой Европы.

Заключение

В качестве примера, и далеко не единственного [Степанов, 2016], генезиса «фундаментальных концепций», для которых характерны такого рода «высказывания», как правило, находящиеся в напряженных отношениях с очевидностью и логикой смысла, затухающего в многоуровневом самоцитировании и недрах собственного наследия авторов,

можно рассмотреть следующий тяжеловесный посыл и одновременно зачин статьи, призванной решить проблему конкурентоспособности «системы высшего образования России» посредством «корректировки» концепции «нового государственного менеджмента»: «В настоящее время перед университетами России ставится сложнейшая задача: включение в мировое образовательное пространство с сохранением собственных традиций и культурного кода, присущих национальному высшему образованию» [Богуславский, Неборский, 2017, 46, www]. Сколь мистически «диалектичным» должно быть «включение» в мировое институциональное образовательное community, чтобы входящий в него университет мог сохранить «собственные традиции и культурный код»... Видимо, сознавая соблазн «диалектической» мистификации, авторы отсылают читателя к собственному наследию, точнее, еще одной его герменевтической вершине: «В настоящее время и на перспективу в российском государстве и обществе приоритетной становится консервативно-традиционная основа развития российской цивилизации...» [Богуславский, 2016, 17-21]. И вновь – лишь предьявление «тезиса», словно автор, по-видимому, никогда не сталкивавшийся с обоснованной критикой, привычным уже образом говорит «истинами», где уж тут до гигиенического минимума саморефлексии. Это философ осторожно замечает: культура – это сложность [Мамардашвили, 1992, 173-174], притом что философия по праву есть сведение и редукция, иными словами, профессиональная рефлексия, пытающаяся сделать сложное простым или хотя бы операциональным. Но наш автор, ничтоже сумняшеся, заявляет: «В настоящее время... становится...». И ни тени рефлексии. Дальнейшие «концептуальные» размышления могут быть какими угодно, но, будучи основанными на негодной посылке, они социологически неприемлемы. В данном случае мы имеем попытку говорить не столько от имени традиционной педагогики, сколько социологии образования: «На этой основе разворачивается сложный процесс культурно-идеологической трансформации социума, формирования новой стратегии развития российского общества...» [Богуславский, 2016, 17]. Забавно, что подобная «стратегия», сохраняя «традиционные преимущества» российского социума, призвана обеспечить одновременно и «импортозамещение», и «конкурентоспособность в современном мире». Понимают такого рода авторы или нет, что в современном мире, где разделение труда и рынков сбыта уже свершившийся факт, что создание конкурентоспособной альтернативы с необходимостью означает своеобразное удвоение мира реального; иными словами, создание «параллельного мира», причем, скорее всего, этот мир будет уже населен персонажами из страны фэнтези. Но ведь очевидно, что публикация «The Hobbit, or There and Back Again» Дж.Р.Р. Толкина в Science не сделает этот роман образцом научности, хотя, к чести автора, надо сказать, что это произведение не страдает недостатком кантианского воображения. Стремление к удвоению мира актуально и для «консервативно-традиционной стратегии развития российского образования», поэтому ее авторы не жалеют «научных» эпитетов: «...главное в определении стратегии модернизации российского образования заключается не в структурно-функциональных мероприятиях, разработке пакетов организационно-финансовых и программно-методических материалов, а в определении тех базовых ценностей образования, вокруг которых смогли бы сплотиться основные субъекты педагогического процесса» [там же, 18]. Столь терминологически затратный путь, быть может, и был бы оправдан, будь авторы пионерами в аксиологии, но ведь те же неокантианцы так и не смогли понять, каким образом наша душа как орган мысли связана с ценностями, а потому безапелляционные рассуждения о ценностных «механизмах» формирования мотивации в образовательной деятельности могут убедить разве что последователей З. Фрейда. Столь же незатейливым образом авторы «консервативно-традиционной стратегии развития российского образования» избавились и от

образовательной стратегии, «базирующейся на вестернизаторских, либеральных, личностноориентированных и инновационных ценностях» (ценностях, по сию пору, в том числе и на уровне федерального законодательства, определяющих процессы, имеющие место в российском образовании: ЕГЭ, ФГОС, двухуровневая система высшего образования): они просто объявили, что данная «стратегия идеологически уже исчерпана и не она будет определять перспективы образовательной политики» [там же].

Но что же будет определять «перспективы»? Вот что: «...установка на выработку и реализацию стратегии развития образования, построенной на российской национально-патриотической и традиционно-консервативной основе, государственных социоориентированных ценностях» [там же]. Подобная установка предполагает сохранение «собственных традиций и культурного кода», а также отказ от «догоняющей модернизации», осуществлявшейся на рубеже XX-XXI вв. «под сильным влиянием опередивших Россию в своем развитии западных стран». Причина отказа также проста: «догоняющая модернизация», «как показал анализ», «вообще неэффективна в интеллектуальных сферах (в том числе и в образовании)», к тому же «в настоящее время все более проявляются так называемые ретроинновации» [там же, 18-20]. Понимали ли авторы, ратующие за возвращение Российской академии образования «статуса научного учреждения» с целью продвижения «стратегии развития российского образования на традиционно-консервативной основе» [там же, 19-20], что русский язык не случайно оказался, по сути, могильщиком национальной профессиональной философии и, одновременно, прародителем, не побоимся этого затертого ныне слова, великой литературы? Ведь достаточно прислушаться к языку, чтобы понять: известная максима здравого смысла «новое – это хорошо забытое старое» есть свидетельство уважения к традиции, а «ретроинновация» – терминологическое недоразумение – такое же, как и «научное учреждение». Наука как свободный поиск ранее не бывшего знания всегда учреждает себя сама – в этом залог ее жизнеспособности.

Библиография

1. Артемова Д.И. Необходимость трансформации российских университетов // Глобальные вызовы в экономике и развитие промышленности (INDUSTRY-2016): труды научно-практической конференции с зарубежным участием. СПб.: Политех. ун-т, 2016. С. 665-667.
2. Богуславский М.В. Концептуальные основы консервативно-традиционной стратегии развития российского образования // Гуманитарные науки и образование. Научно-методический журнал. 2016. № 1 (25). С. 17-21.
3. Богуславский М.В., Неборский Е.В. Развитие конкурентоспособной системы высшего образования России: анализ проблемных факторов // Проблемы современного образования. Интернет-журнал. 2017. № 2. С. 45-56. URL: www.pmedu.ru
4. Мамардашвили М.К. Если осмелиться быть... // Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Прогресс; Культура, 1992. С. 172-200.
5. Мартин Хайдеггер / Карл Ясперс. Переписка (1920-1963). М.: Ad Marginem, 2001. 416 с.
6. Сенашенко В.С. О реформировании отечественной системы высшего образования: некоторые итоги // Высшее образование в России. 2017. № 6 (213). С. 5-15.
7. Сизов В.С. Форсайт-исследование системы образования в России // Экономика образования. 2015. № 2. С. 73-80.
8. Спиридонова Е.А. О неоднозначных последствиях реформ в высшей школе России // Высшее образование в России. 2017. № 1 (208). С. 25-34.
9. Старьгина А.М. Основные тенденции развития российской высшей школы в контексте вызовов глобализации образовательного пространства // Вестник АГУ. 2017. № 1 (194). С. 143-148.
10. Степанов В.И. Проблемы формирования европейского пространства высшего образования в рамках Болонского процесса // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2016. № 4 (169). С. 131-139.

To the problems of objective self-sufficiency and methodological assumptions of the "science of society"

Aleksandr A. Isaev

Doctor of Philosophy, Professor,
Chief Researcher of the Laboratory of sociological and legal studies,
Surgut State University,
628412, 1 Lenina av., Surgut, Russian Federation,
e-mail: secretar@surgu.ru

Abstract

Some social philosophers and sociology experts disavow the indiscriminate character of their science, arguing that the science of society can be anything. The proponents of scientism may be baffled by such a statement while social philosophers could be, quite the opposite, encouraged. However, the genetics of such wide assumptions of the "science of society" in its component of "knowing-what" and "knowing-how" has in fact been established by its founding father O. Comte, who once stated with his positivist ingenuousness that science is philosophy in itself. The intrusion of positivism, sanctified by the law of its longstanding, at times blurs the disciplinary or methodological boundaries of sociology, transforming it, not unlike culturology, into a kind of "integral science", or interdisciplinary approach. Indeed, we can often see how theoretical sociology takes upon itself the functions of social constructivism, while the practical, or applied, sociology is the apologist for the existing order of things, especially in the area of electoral technologies serving closed and authoritarian societies where the quantitative calculations of sociologists can only compete with the conspiracy approach. The author notes that the task of developing and implementing the strategy of education development, based on the Russian national patriotic and traditionally conservative basis will determine the prospects.

For citation

Isaev A.A. (2017) K problemam predmetnoi samodostatochnosti i metodologicheskikh dopushchenii "nauki ob obshchestve" [To the problems of subjective self-sufficiency and methodological assumptions of the "science of society"]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6 (6A), pp. 90-97.

Keywords

Method, subject, education, university, sociology as an occupation, sociological constructivism, self-sufficiency.

References

1. Artemova D.I. (2016) Neobkhodimost' transformatsii rossiiskikh universitetov [The necessity of transformation of Russian universities]. In: *Global'nye vyzovy v ekonomike i razvitie promyshlennosti (INDUSTRY-2016): trudy nauchno-prakticheskoi konferentsii s zarubezhnym uchastiem* [Proc. Conf. "Global challenges in economy and development of industry (INDUSTRY-2016)"]. Saint Petersburg: Polytechnic University, pp. 665-667.
2. Boguslavskii M.V. (2016) Kontseptual'nye osnovy konservativno-traditsionnoi strategii razvitiya rossiiskogo obrazovaniya [Conceptual foundations of the conservative traditional strategy of development of Russian education].

-
- Gumanitarnye nauki i obrazovanie. Nauchno-metodicheskii zhurnal* [The humanities and education. Scientific-methodical journal], 1 (25), pp. 17-21.
3. Boguslavskii M.V., Neborskii E.V. (2017) Razvitie konkurentosposobnoi sistemy vysshego obrazovaniya Rossii: analiz problemnykh faktorov [Development of competitive higher education system in Russia: analysis of problem factors]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya. Internet-zhurnal* [Problems of modern education. Online magazine], 2, pp. 45-56. Available at: www.pmedu.ru [Accessed 12/12/17].
 4. Mamardashvili M.K. (1992) Esli osmelit'sya byt'... [If you dare to be...]. *Kak ya ponimayu filosofiyu* [As I understand philosophy], 2nd ed. Moscow: Progress; Kul'tura Publ., pp. 172-200.
 5. Martin Khaidegger / Karl Yaspers. Peregovora (1920-1963) [Martin Heidegger / Karl Jaspers. Correspondence (1920-1963)] (2001). Moscow: Ad Marginem Publ.
 6. Senashenko V.S. (2017) O reformirovani otechestvennoi sistemy vysshego obrazovaniya: nekotorye itogi [On the reform of the domestic higher education system: some results]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 6 (213), pp. 5-15.
 7. Sizov V.S. (2015) Forsait-issledovanie sistemy obrazovaniya v Rossii [A foresight-researching of the Russian educational system]. *Ekonomika obrazovaniya* [Economics education], 2, pp. 73-80.
 8. Spiridonova E.A. (2017) O neodnoznachnykh posledstviyakh reform v vysshei shkole Rossii [On the mixed effects of reforms in the higher school of Russia]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia], 1(208), pp. 25-34.
 9. Starygina A.M. (2017) Osnovnye tendentsii razvitiya rossiiskoi vysshei shkoly v kontekste vyzovov globalizatsii obrazovatel'nogo prostranstva [The main trends of development of Russian higher school in the context of challenges of globalization of educational space]. *Vestnik AGU* [Bulletin of Adyghe State University], 1 (194), pp. 143-148.
 10. Stepanov V.I. (2016) Problemy formirovaniya evropeiskogo prostranstva vysshego obrazovaniya v ramkakh Bolonskogo protsesssa [Problems of the formation of European higher education area under the Bologna process]. *Vestnik TGPU (TSPU Bulletin)* [Bulletin of Tomsk State Pedagogical University], 4 (169), pp. 131-139.